

ДАНЫЛО СУДЫН,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Украинского католического университета (79011, Львов, ул. Ил. Свенцицкого, 17)

DANYLO SUDYN,

Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor at the Department of Sociology, Ukrainian Catholic University (17, Il. Svyentsits'koho St., Lviv, 79011)

dansudyn@ucu.edu.ua

<https://orcid.org/0000-0001-5648-0224>

Множественность моделей исторической памяти в украинском обществе

Одним из актуальных и политически значимых вопросов в украинском обществе является сосуществование и/или противостояние советской и украинской национальной моделей памяти. Особенно актуальным данный вопрос стал в контексте процессов декоммунизации, начавшихся в украинском обществе спонтанно во время Революции Достоинства 8 декабря 2013 года — со сносом памятника Ленину в Киеве, что переросло в так называемый ленинопад¹. Позже декоммунизационные процессы были институционализированы с принятием Верховной Радой Украины 9 апреля 2015 года законов №314-VIII «О правовом статусе и чествовании памяти борцов за независимость Украины в XX веке», №315-VIII «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945», №316-VIII «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов», №317-VIII «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарного режимов и запрете пропаганды их символики».

В большинстве публичных дискуссий украинская и советская модели памяти воспринимаются как внутренне однородные и взаимно антагонистические. Кроме того, считается, что их распространенность в украинском обществе имеет четкое региональное разделение. Но в действительности существует больше моделей памяти, что продемонстрировал, например, случай с переименованием Кировограда. Жители города поддержали новое название Елисаветград, причем выбор именно этого названия обосновывался двояко: как отсылающий к казацкой истории города, но и к истории города в составе Российской империи [Сінченко, 2015]. То есть обнаружилось, что и доказал «случай Кировограда», противостояние четырех моделей памяти: двух вариантов национальной,

1 До принятия законов о декоммунизации было снесено 504 памятника В. Ленину [УІНП, s. a.].

а также имперской и советской. Одна из моделей украинской национальной памяти ставит акцент на украинском национальном движении (и представлена приверженцами символов типа названия города Кропивницкий). А другая модель украинской национальной памяти сосредоточена на более традиционной схеме национального нарратива (когда подчеркивают, что Елисаветград — это название казацкой крепости). Но это оказывается связанным с имперской моделью, которая также, хотя на иных основаниях, поддерживает такие названия, как Елисаветград. Приверженцы советской модели, напротив, защищают название Кировоград. Важно, что эти модели не всегда конкурируют друг с другом. В случае с Кропивницким 56,9% опрошенных жителей города отстаивали название Кировоград, 30,6% — Елисаветград. Но при условии, что название города должно быть заменено на любое другое, кроме Кировограда, Елисаветград поддерживали уже 54,9% (из 56,9% сторонников Кировограда 25,7% затруднились с ответом, 24,3% от Кировограда перешли к Елисаветграду, а 3,8% — к Кропивницкому) [Рейтинг, 2016]. То есть украинские национальная, советская и имперская модели оказались тесно связанными, а в их пределах предпочтения индивидов могут перемещаться — прежде всего между советской и имперской, а также между советской и украинской, хотя в меньшей мере.

В этом контексте выяснить, какие модели исторической памяти существуют в украинском обществе и как они соотносятся друг с другом, важно, в частности, исходя из практических проблем: возможен ли раскол украинского общества вокруг вопросов исторической памяти, существует ли единая модель памяти, которая была бы функционально адекватной для украинского общества, и являются ли другие модели дисфункциональными.

Исследования коллективной памяти ведут свой отсчет от «Социальных рамок памяти» Мориса Хальбвакса [Хальбвакс, 2007], впервые опубликованных в 1925 году. Но систематические исследования памяти начинаются в 1980-х годах [Wawrzyniak, 2009: s. 21]. И сейчас можно выделить три главных направления исследований:

- социологическое;
- культурологическое;
- психологическое [Wawrzyniak, 2009: ss. 21–24].

Названия этих направлений весьма условны. Например, с психологическим направлением часто пересекаются исследование антропологов, поскольку главная черта этого направления — изучение механизмов запоминания и передачи коллективной памяти [Wawrzyniak, 2009: s. 24]. Наиболее известным примером таких исследований может служить работа Поля Коннертона «Как общества помнят» [Коннертон, 2004]. Различие между социологическим и культурологическим направлениями также довольно размытое, поскольку последнее сосредоточено на изучении культурных артефактов как носителей коллективной памяти, однако такие исследования проводят и в социологии, а также антропологии и истории [Ассман, 2012, 2014, 2016, 2017; Шенк, 2007; Ханенко-Фрізен, 2011]. К этой группе относятся исследования историографий как носителей памяти, хотя часть исследователей проблематизируют связь между историографией и коллективной памятью [Грицак, 2004: сс. 14–15; Stryjek, 2007: ss. 14–18]. Еще одной важной составляющей корпуса исследований памяти являются работы о политике памяти [Миллер, Липман, 2012; Мінк, Неймайер, 2009], хотя в этом

случае они часто пересекаются с исследованиями историографий [Malczewska-Pawelec, Pawelec, 2011; Єкельчик, 2008]. Близки к ним исследования преподавания истории в школах [Иванов, 2010; Traba, Thünemann, 2015]. В то же время социологические исследования преимущественно касаются результатов опросов общественного мнения [Szacka, 2006; Krzemicki, 2010; Banaszak, Rowicki, 2002].

Классические труды по теории национальной идентичности значительное внимание уделяли исторической памяти [Андерсон, 2001; Гелнер, 2003; Гобсбаум, Рейнджер, 2010]. В случае постсоветских и посткоммунистических наций нужно упомянуть следующие работы: [Tismaneanu, 2000; Брубейкер, 2012; Kioskowska, 2005]. В случае украинского общества и его памяти большинство исследований касаются именно политик памяти или историографий [Грицак, 2011; Гриценко, 2017; Касьянов, 2010, 2014, 2018; Когут, 2004; Кравченко, 2011a, 2011b; Портнов, 2013; Стриек, 2015; Stryjek, 2007], а также школьного образования [Иванов, 2010; Турченко, 2016]. Важную часть составляют исследования по исторической политике времен сталинизма [Кисла, 2009; Юсова, 2006; Єкельчик, 2008], позволяющие лучше понять особенности советской модели памяти и ее трансформаций. В этом плане важными для сравнительной перспективы являются работы по политике памяти в Центральной Европе времен сталинизма [Górny, 2001, 2007; Malczewska-Pawelec, Pawelec, 2011; Wawrzyniak, 2009; Wujcicka, 2009]. Особенности исторической памяти как в Украине, так и в других странах бывшего социалистического блока после 1991 года также исследованы в ряде работ [Габович, 2005; Гайдай, 2018; Гайдай, Склокіна, 2018; Гнатюк, 2005; Гудков, 2004; Гриценко, 2014; Єкельчик, 2020; Зашкільняк, 2009; Копосов, 2011; Kowerko-Urbaczzyk, 2016; Kudela-Świątek, 2013].

Главной чертой большинства исследований моделей исторической памяти в Украине является противопоставление советского и украинского национального нарративов. Среди единичных исключений следует вспомнить тезис историка Владимира Кравченко о множественности моделей исторической памяти в украинском обществе: «Соответственно, историческое самосознание украинского общества содержит как минимум три основных проекции украинского прошлого: украинскую, российскую и надэтническую, компромиссную, или гибридную, которая, соответственно, состоит из малороссийского, украинского, восточнославянского, имперского и советского компонентов. Все они отличаются друг от друга различным видением украинского исторического процесса, его общего характера и специфики» [Кравченко, 2006: с. 474]. Впрочем, этот тезис не получил дальнейшего развития в его работах¹. Также нужно вспомнить и о классификации моделей исторической памяти, предложенной Александром Вишняком. На основе анализа данных социологических опросов он предложил две классификации, имеющие выраженную региональную специфику. Согласно первой, в Украине распространены три модели: 1) западноукраинская антисоветская и антисоциалистическая [Вишняк, 2013: с. 37], которой противостоит 2) юго-восточная советская просоциалистическая [Вишняк, 2013: с. 38], а между ними располагается 3) центральноукраинская советская, но не социалисти-

1 Интересно, что в обновленной и расширенной редакции своей статьи Владимир Кравченко этот тезис уже не повторяет [Кравченко, 2011b].

ческая [Вишняк, 2013: с. 38]. Согласно второй классификации, в Украине существуют четыре модели исторической памяти:

- 1 западноукраинская (галицко-волынская) антиимперская и антисоветская [Вишняк, 2015: с. 134], или же национально-демократическая [Вишняк, 2012: с. 174];
- 2 донбасская русско-советская антинациональная [Вишняк, 2015: с. 135], или русско-советская [Вишняк, 2012: с. 174];
- 3 центральноукраинская национальная антиимперская, но не советская [Вишняк, 2015: с. 137], или противоречивая национально-пророссийская [Вишняк, 2012: с. 174];
- 4 юго-восточная советско-украинская [Вишняк, 2015: с. 138], или же советско-пророссийская [Вишняк, 2012: с. 74]¹.

Фактически исследования Александра Вишняка предлагают классификацию моделей исторической памяти, которые структурированы вокруг двух осей: проукраинскость — пророссийскость и советскость — антисоветскость. Особенностью его концепции является то, что модели исторической памяти имеют выразительную региональную привязку. В этой статье мы предложим классификацию моделей памяти, которая сосредоточена сугубо на содержании, а не на региональной распространенности. Ведь исторические исследования показывают, что советский нарратив не был однородным: он изменялся в течение всей истории СССР. Аналогично, мы можем предположить, что украинский национальный нарратив также не является однородным: элементы, вытесненные в советское время, возвращаются в массовое сознание, а советский нарратив изменяется, становясь более национальным.

Прежде чем перейти к изложению полученных результатов, проясним один важный методологический аспект понятия «модель памяти», а именно, как оно соотносится с реальностью, что имеется в виду — идеальный тип в *веберовском смысле* или реальный тип, предложенный Норбертом Элиасом. В обоих случаях конструирование понятия происходит на основе эмпирических данных, но для Макса Вебера ключевыми являются *логические* основания: «...в таком идеальном типе были бы собраны вместе и возведены в их своеобразии до уровня, лишённого противоречий (для нашего рассмотрения) идеального образа те отдельные черты ... жизни, которые сегодня существуют в диффузном виде» [Вебер, 1998: сс. 238–239]. Таким образом исследователи и исследовательницы должны «в каждом частном случае *установить*, насколько действительность близка к такому мысленному образу или далека от него» [Вебер, 1998: с. 238], ведь «речь идет о *конструировании* связей, которые нашей фантазии представляются достаточно мотивированными и, следовательно, «объективно возможными»» [Вебер, 1998: с. 239]. То есть идеальный тип не является обобщением эмпирических данных, а является теоретическим конструктом («фантазией»), к которому со временем «прилагается» действительность. Причем работы самого Макса Вебера указывают, что идеальные типы он часто создавал как *взаимоисключающие*.

1 Фактически в своих исследованиях Александр Вишняк также установил трансформации моделей исторической памяти в случае юго-восточного и центральноукраинского регионов: для первого пророссийская компонента поступилась проукраинской, а для второго — пророссийская антиимперской. Но в целом, как видим, модели остаются устойчивыми в региональном измерении.

А вот реальные типы Норберта Элиаса выполняют противоположную функцию: их выделяют вследствие «фактического подобия самих общественных структур» [Еліас, 2003: с. 589]. Таким образом, реальный тип — «не искусственный продукт мышления, а ... результат неизбежных взаимосвязей подобного типа» [Еліас, 2003: с. 589]. А потому для Норберта Элиаса «с точки зрения процессуальной социологии “тип” и “фаза” являются идентичными» [Elias, 1991: р. 234]. То есть реальный тип отличается от идеального не только по способу конструирования, но и по аналитическому назначению: Элиасовы реальные типы могут создавать континуум, между ними осуществляется переход («фазы»). Они не должны быть дискретными аналитическими единицами, как в случае Веберовых идеальных типов.

Подводя итог, укажем, что используемое в данной статье понятие «модель памяти» ближе к *реальному типу*. Критерием для выделения той или иной модели памяти является именно сходство структур знания об историческом прошлом. Причем эти структуры мы определяем на основе эмпирических данных. Второй общей чертой моделей памяти и реальных типов является то, что они не антагонистичны априори, но могут образовывать континуум — если именно такова социальная реальность.

Для проверки гипотез о существовании множественных моделей памяти в украинском обществе был осуществлен анализ двух баз данных — «Мнения и взгляды населения Украины: сентябрь 2014»¹, а также опрос «Львов–Донецк–Киев–Днепр–Харьков–Одесса: социологический анализ групповых идентичностей и иерархий общественных лояльностей» (2015)². Оба исследования проводились после Революции Достоинства 2013–2014 годов. В обоих исследованиях респондентам задавали блок вопросов об исторической памяти, хотя методики отличались. В опросе 2014 года респондентов просили оценить свое отношение к историческим фигурам, в опросе 2015-го — оценить важность исторических событий. При этом список событий / фигур для оценки включал важные элементы как советского, так и украинского национального нарратива.

В исследовании КМИСа об исторических фигурах был предложен вопрос:
Каково Ваше отношение к следующим историческим деятелям?

- Иван Мазепа;
- Екатерина II;
- Богдан Хмельницкий;
- Владимир Ленин;
- Иосиф Сталин;
- Степан Бандера.

1 Полевой этап исследования длился с 12 по 21 сентября 2014 года ($n = 2035$). Опрос проводил Киевский международный институт социологии [КМИС, s.a.]. База данных доступна благодаря Национальному банку социологических данных «Киевский архив» [Київський архів, s.a.].

2 Полевой этап исследования проходил в ноябре–декабре 2015 года ($n = 2389$). Организаторы — Институт социальных исследований Университета Мичигана (Institute for Social Research, University of Michigan), Львовский национальный университет имени Ивана Франко, Украинский католический университет, благодаря финансовой поддержке Центра развивающихся демократий имени Рональда и Эйлин Уэйзер (Weiser Center for Emerging Democracies) Университета Мичигана, Института социальных исследований Университета Мичигана и Программы исследований современной истории Украины имени Петра Яцика.

Респонденты использовали 4-балльную шкалу: 1 — позитивное, 2 — скорее позитивное, 3 — скорее негативное, 4 — негативное¹.

В случае исследования «Львов–Донецк–Киев–Днепр–Харьков–Одесса: ... » формулировка вопроса об исторических событиях была следующей:

В какой мере, по Вашему мнению, каждое из следующих событий важно для понимания истории Украины: очень важно (1), в определенной мере важно (2), совсем не важно (3):

- Киевская Русь;
- Казачество;
- Восстание Мазепы против Петра I;
- Переяславский договор между Украиной и Россией 1654 года;
- Украинская Народная Республика (1917–1920);
- Украинская Советская Социалистическая Республика;
- Провозглашение независимости Украины в 1991 году.

Методом анализа, используемым для проверки гипотезы о множественности памятей, был эксплораторный факторный анализ. Общая цель этого анализа — поиск *латентных* переменных, которые непосредственно не измеряются в ходе опроса, но влияют на ответы респондентов на вопросы, касающиеся определенного блока проблем / тем. В случае с исследованием множественности исторической памяти латентные переменные будут типами исторической памяти, поскольку они укажут те группы исторических фигур / событий, которые тесно связаны между собой в сознании респондентов.

Анализ на общенациональном уровне позволил выделить две латентные переменные — советско-имперскую и украинскую национальную модели памяти (см. табл. 1)², что является ожидаемым результатом [Sereda, 2007].

С другой стороны, интересной особенностью советской модели является то, что к ней относятся не только Екатерина II, Владимир Ленин и Иосиф Сталин, но и Степан Бандера. Последний, правда, с негативной факторной нагрузкой, то есть как личность, к которой относятся отрицательно. В украинскую национальную модель входят Богдан Хмельницкий, Иван Мазепа и Степан Бандера — последний уже с позитивной факторной нагрузкой (см. табл. 1).

Важной новой чертой советско-имперской модели памяти является то, что в нее входят также элементы украинской национальной модели, но с негативной коннотацией. То есть эта модель является одновременно антинациональной.

1 Также был вариант ответа «5 — такого деятеля я не знаю», но из анализа его исключили, поскольку целью анализа было выявление латентных переменных методом эксплораторного факторного анализа (см. далее).

2 Эксплораторный факторный анализ проводился методом главных факторов (*principal axis factoring*) для оценок шести исторических фигур (см. выше), с косоугольным обращением методом обливин ($\gamma = 0$). КМО = 0,71, наименьшее значение КМО для отдельных переменных равно 0,55, что превышает пороговое значение 0,5. Тест Бартлета $\chi^2(15) = 2389,786$, $p < 0,001$ указывает, что величина корреляций достаточна для проведения анализа главных компонент. На основе критерия Кайзера были выделены две главных компоненты, суммарная доля объясненной дисперсии равна 71,09%. Коэффициент корреляции между факторами равен $-0,238$ ($N = 1055$). Значения коэффициента КМО для отдельных переменных: Иван Мазепа 0,666; Екатерина II 0,79; Богдан Хмельницкий 0,552; Владимир Ленин 0,699; Иосиф Сталин 0,708; Степан Бандера 0,737.

Этот же вывод подтверждает и негативная корреляция между факторными переменными, хоть и слабая (-0,238).

Таблица 1

Результаты эксплораторного факторного анализа^а

Переменные	Pattern matrix		Structure matrix	
	Советско-имперская	Украинская национальная	Советско-имперская	Украинская национальная
Иван Мазепа	-0,134	0,822	-0,330	0,854
Екатерина II	0,715	0,047	0,704	-0,123
Богдан Хмельницкий	0,093	0,525	-0,032	0,502
Владимир Ленин	0,919	0,103	0,895	-0,115
Иосиф Сталин	0,757	-0,039	0,766	-0,219
Степан Бандера	-0,523	0,407	-0,620	0,531
Собственные значения	2,876	1,389	2,876	1,389
% дисперсии	47,93	23,15	47,93	23,15

а Факторные нагрузки выше 0,4 выделены полужирным.

Но если классифицировать респондентов по степени принятия каждой модели, то полярной картины противостояния двух моделей памяти в украинском обществе не наблюдается (см. табл. 2).

Таблица 2

Типы памяти в украинском обществе по данным опроса КМИСа (сентябрь 2014)

		Украинская национальная модель	
		+	-
Советско-имперская модель	+	Амбивалентный	Советско-имперский
	-	Украинский национальный	Неопределенный

Теоретически мы можем предположить существование не только «чистых» типов — украинской национальной и советско-имперской, то есть людей, верных лишь одному нарративу — либо советскому, либо украинскому национальному. По логике классификации мы можем предположить существование и гибридов — амбивалентной модели, где индивиды привержены двум нарративам одновременно — и советско-имперскому, и украинскому национальному. Хотя они вроде бы взаимно исключают друг друга, в сознании респондентов они могут сосуществовать. И аналогично мы можем предположить существование неопределенного типа, где индивиды не признают ни одной из предложенных моделей памяти — возможно, для них важен совсем другой набор исторических событий и фигур.

Анализ данных выявил, что в украинском обществе самыми распространенными являются три типа памяти — «чистые» украинский национальный и советско-имперский, но также и амбивалентный (см. рис. 1).

Региональная¹ распространенность моделей памяти помогает «увидеть» регионы, которые противостоят друг другу. Но здесь мы имеем дело скорее с исследовательским артефактом: рассматривая регионы как четко размежеванные,

1 Для анализа использовалось деление на регионы, применявшееся в опросе КМИСа: Западный — Волинская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Ривненская, Тернопольская, Хмельницкая, Черновицкая области; Центральный — г.Киев, Киевская, Винницкая, Житомирская, Кировоградская, Полтавская, Сумская, Черкасская, Черниговская области; Южный — Днепропетровская, Запорожская, Николаевская, Одесская, Херсонская области; Восточный (без Донбасса) — Харьковская область; Донбасс — Донецкая область.

мы потому и получаем четкую картину различий между ними (см. рис. 2)¹. Но даже такие результаты показывают, что однозначного раскола на разные регионы исторической памяти в Украине нет, поскольку мы можем наблюдать континуум перехода от украинской к советско-имперской памяти, при этом в Центральном и Южном регионах и на Донбассе важную роль играет и амбивалентная модель памяти.

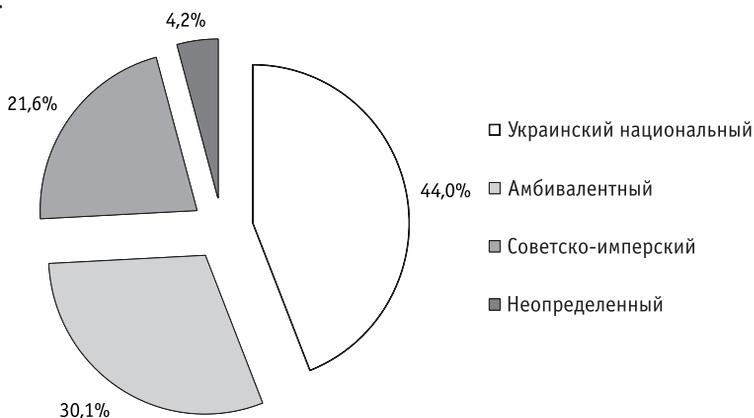


Рис. 1. Распределение типов памяти в украинском обществе (сентябрь 2014), %

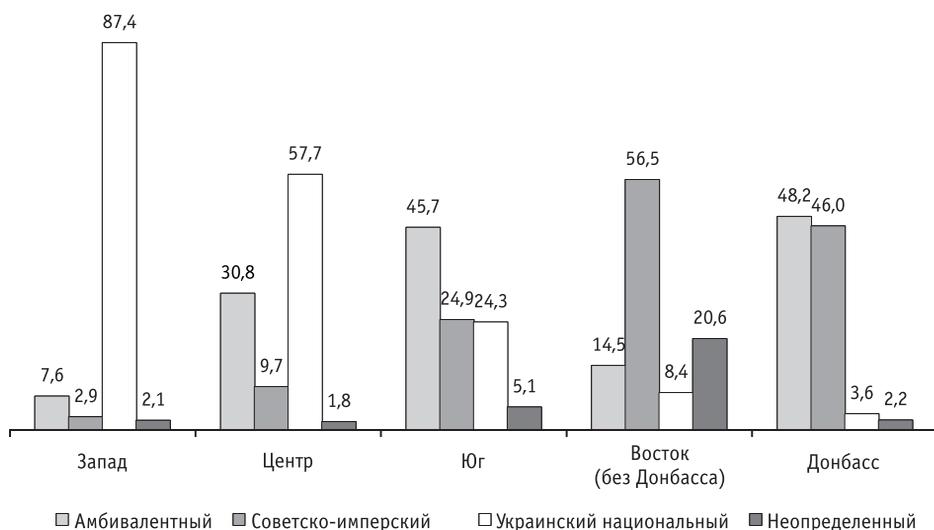


Рис. 2. Региональное распределение типов исторической памяти в украинском обществе (сентябрь 2014), %

Если анализ провести на более локальном уровне, то его результаты лишь подтвердят то, что четких границ между регионами нет. Анализ данных по шести городам, в которых проводилось исследование «Львов–Донецк–Киев–Днепр–

1 О более сложной региональной структуре памяти свидетельствуют результаты анализа исследования «Львов–Донецк–Киев–Днепр–Харьков–Одесса: социологический анализ групповых идентичностей и иерархий общественных лояльностей», о чем детальнее см. ниже.

Харьков–Одесса: ...», модели памяти окажутся еще более разнородными. Результаты эксплораторного факторного анализа¹ представлены в табл. 3–9.

Таблица 3

Результаты эксплораторного факторного анализа² (Львов, $N = 370$)^a

Переменные	Pattern matrix		Structure matrix	
	Украинская: «постсоветская»	Украинская: «реалитетная» ^b	Украинская: «постсоветская»	Украинская: «реалитетная»
Киевская Русь	0,848	-0,008	0,845	0,296
Казачество	0,817	0,118	0,859	0,411
Восстание Ивана Мазепы	0,580	0,300	0,687	0,508
Переяславский договор 1654 года	0,047	0,820	0,341	0,837
УНР	0,428	0,491	0,604	0,644
УССР	-0,095	0,883	0,221	0,848
Провозглашение независимости в 1991 году	0,871	-0,201	0,799	0,111
Собственные значения	3,478	1,215	3,478	1,215
% дисперсии	49,69	17,36	49,69	17,36

a Факторные нагрузки выше 0,4 выделены полужирным.

b О термине «реалитетная» см. стр. 77.

Таблица 4

Результаты эксплораторного факторного анализа³ (Донецк, $N = 361$)^a

Переменные	Pattern matrix		Structure matrix	
	Украинская: «реалитетная»	Советская: украинская	Украинская: «реалитетная»	Советская: украинская
Киевская Русь	-0,025	0,902	0,298	0,893
Казачество	0,135	0,584	0,344	0,632
Восстание Ивана Мазепы	0,664	0,235	0,748	0,473
Переяславский договор 1654 года	-0,044	0,827	0,252	0,811
УНР	0,748	0,204	0,821	0,472
УССР	0,684	0,036	0,697	0,280
Провозглашение независимости в 1991 году	0,865	-0,220	0,786	0,089
Собственные значения	3,096	1,244	3,096	1,244
% дисперсии	44,23	17,77	44,23	17,77

a Факторные нагрузки выше 0,4 выделены полужирным.

1 С целью выявления моделей памяти, распространенной в украинском обществе, был проведен полихорический анализ главных компонент (*polychoric PCA*) для семи утверждений о прошлом Украины (см. выше), с косоугольным вращением методом облимин ($\gamma = 0$). Для каждого из городов эксплораторный факторный анализ проводили отдельно, чтобы выявить отличия в структуре латентных переменных.

2 КМО = 0,756, для отдельных переменных КМО > 0,67 (табл. 9). Тест Бартлета $\chi^2(21) = 474,229$, $p < 0,001$. Количество главных компонент определялось по критерию Кайзера. Суммарная доля объясненной дисперсии равна 67,04%. Коэффициент корреляции между факторами равен 0,359.

3 КМО = 0,605, для отдельных переменных КМО > 0,51 (табл. 9). Тест Бартлета $\chi^2(21) = 480,297$, $p < 0,001$. Количество главных компонент определено по критерию Кайзера. Суммарная доля объясненной дисперсии равна 62%. Коэффициент корреляции между факторами равен 0,358.

Таблица 5

Результаты эксплораторного факторного анализа¹ (Киев, N = 316)^a

Переменные	Pattern matrix			Structure matrix		
	Украинская: «сопротивления»	Советская: украинская	Советская: «воссоединения»	Украинская: «сопротивления»	Советская: украинская	Советская: «воссоединения»
Киевская Русь	-0,076	0,934	0,100	0,201	0,911	0,110
Казачество	0,195	0,829	-0,078	0,460	0,889	-0,100
Восстание Ивана Мазепы	0,810	0,132	-0,122	0,865	0,383	-0,217
Переяславский договор 1654 года	0,136	-0,072	0,935	0,004	-0,030	0,919
УНР	0,939	-0,105	0,164	0,887	0,186	0,054
УССР	-0,147	0,137	0,901	-0,210	0,092	0,918
Провозглашение независимости в 1991 году	0,793	0,100	-0,088	0,834	0,346	-0,181
Собственные значения	2,828	1,765	1,132	2,828	1,765	1,132
% дисперсии	40,4	25,21	16,17	40,4	25,21	16,17

a Факторные нагрузки выше 0,4 выделены полужирным.

Таблица 6

Результаты эксплораторного факторного анализа² (Одесса, N = 292)^a

Переменные	Pattern matrix		Structure matrix	
	Украинская: «сопротивления»	Советская: «братские народы»	Украинская: «сопротивления»	Советская: «братские народы»
Киевская Русь	0,208	0,786	0,430	0,845
Казачество	0,540	0,364	0,644	0,517
Восстание Ивана Мазепы	0,887	-0,006	0,886	0,246
Переяславский договор 1654 года	0,035	0,852	0,276	0,862
УНР	0,884	0,090	0,909	0,341
УССР	-0,172	0,896	0,082	0,847
Провозглашение независимости в 1991 году	0,769	-0,140	0,729	0,078
Собственные значения	3,367	1,580	3,367	1,580
% дисперсии	48,1	22,57	48,1	22,57

a Факторные нагрузки выше 0,4 выделены полужирным.

1 КМО = 0,572, для отдельных переменных КМО > 0,48 (табл. 9). Тест Бартлета $\chi^2(21) = 415,157$, $p < 0,001$. Количество главных компонент определено по критерию Кайзера. Суммарная доля объясненной дисперсии равна 81,78%. Коэффициенты корреляции между компонентами: 1) «украинская: сопротивления» — «советская: украинская» 0,31; 2) «украинская: сопротивления» — «советская: воссоединения» - 0,117; 3) «советская: украинская» — «советская: воссоединения» < 0,001.

2 КМО = 0,676, для отдельных переменных КМО > 0,57 (табл. 9). Тест Бартлета $\chi^2(21) = 472,309$, $p < 0,001$. Количество главных компонент определено по критерию Кайзера. Суммарная доля объясненной дисперсии равна 70,67%. Коэффициент корреляции между факторами равен 0,284.

Таблица 7

Результаты эксплораторного факторного анализа¹ (Днепр, $N = 330$)^a

Переменные	Pattern matrix			Structure matrix		
	Украинская: «сопротивления»	Украинская: «постсоветская»	Советская: «воссоединения»	Украинская: «сопротивления»	Украинская: «постсоветская»	Советская: «воссоединения»
Киевская Русь	-0,087	0,868	0,226	0,186	0,874	0,320
Казачество	0,220	0,788	0,058	0,439	0,853	0,203
Восстание Ивана Мазепы	0,769	0,132	0,131	0,829	0,351	0,299
Переяславский договор 1654 года	0,121	0,124	0,681	0,288	0,243	0,721
УНР	0,745	-0,299	0,430	0,750	-0,049	0,537
УССР	-0,029	0,182	0,814	0,179	0,279	0,832
Провозглашение независимости в 1991 году	0,754	0,310	-0,408	0,756	0,456	-0,220
Собственные значения	2,906	1,208	1,087	2,906	1,208	1,087
% дисперсии	41,52	17,26	15,53	41,52	17,26	15,53

a Факторные нагрузки выше 0,4 выделены полужирным.

Таблица 8

Результаты эксплораторного факторного анализа² (Харьков, $N = 297$)^a

Переменные	Pattern matrix		Structure matrix	
	Украинская: «сопротивления»	Советская: «братские народы»	Украинская: «сопротивления»	Советская: «братские народы»
Киевская Русь	0,353	0,797	0,443	0,837
Казачество	0,755	0,253	0,784	0,338
Восстание Ивана Мазепы	0,836	-0,040	0,831	0,054
Переяславский договор 1654 года	0,012	0,700	0,091	0,701
УНР	0,771	-0,185	0,750	-0,099
УРСР	-0,211	0,803	-0,120	0,779
Провозглашение независимости в 1991 году	0,820	0,044	0,825	0,137
Собственные значения	2,904	1,711	2,904	1,711
% дисперсии	41,49	24,44	41,49	24,44

a Факторные нагрузки выше 0,4 выделены полужирным.

1 КМО = 0,71, для отдельных переменных КМО > 0,66 (табл. 9). Тест Бартлетта $\chi^2(21) = 331,195$, $p < 0,001$. Количество главных компонент определено по критерию Кайзера. Суммарная доля объясненной дисперсии равна 74,31%. Коэффициенты корреляции между компонентами: 1) «украинская: сопротивления» — «украинская: постсоветская» 0,263; 2) «украинская: сопротивления» — «советская: воссоединения» 0,196; 3) «украинская: постсоветская» — «советская: воссоединения» 0,129.

2 КМО = 0,554, для отдельных переменных КМО > 0,3 (табл. 9). Тест Бартлетта $\chi^2(21) = 301,654$, $p < 0,001$. Количество главных компонент определено по критерию Кайзера. Суммарная доля объясненной дисперсии равна 65,92%. Коэффициент корреляции между факторами равен 0,113.

Тест Кайзера–Мейера–Олкина для отдельных переменных

Переменные	Львов	Донецк	Киев	Одесса	Днепр	Харьков
Киевская Русь	0,675	0,547	0,487	0,790	0,668	0,469
Казачество	0,746	0,541	0,524	0,791	0,716	0,555
Восстание Ивана Мазепы	0,862	0,656	0,686	0,742	0,761	0,545
Переяславский договор 1654 года	0,795	0,519	0,484	0,618	0,816	0,307
УНР	0,746	0,693	0,552	0,628	0,680	0,719
УССР	0,690	0,606	0,512	0,593	0,685	0,550
Провозглашение независимости в 1991 году	0,823	0,665	0,704	0,573	0,662	0,807
ОБЩЕЕ	0,756	0,605	0,572	0,676	0,710	0,554

Для интерпретации сначала классифицируем все латентные переменные, полученные в ходе анализа. Если обобщить полученные данные, то две модели памяти — «советская» и «украинская национальная» — приобретают несколько версий (см. табл. 10, 11).

Таблица 10

Версии украинской национальной модели памяти

Переменные	«Постсоветская»		«Реалитетная»		«Сопротивления»			
	Л	Дн	Л	Д	Дн	К	О	Х
Киевская Русь	Ч	Ч						
Казачество	Ч	Ч						
Восстание Ивана Мазепы					Ч	Ч	Ч	Ч
Переяславский договор 1654 года								
УНР			Ч	Ч	Ч	Ч	Ч	Ч
УССР			Ч	Ч				
Провозглашение независимости в 1991 году					Ч	Ч	Ч	Ч

Ч — ключевые для версии элементы.

Л — Львов, Д — Донецк, К — Киев, О — Одесса, Дн — Днепр, Х — Харьков.

Таблица 11

Версии советской модели памяти

Переменные	«Украинская»		«Братских народов»		«Воссоединения»	
	Д	К	Х	О	К	Дн
Киевская Русь	Ч	Ч	Ч	Ч		
Казачество	Ч	Ч				
Восстание Ивана Мазепы						
Переяславский договор 1654 года			Ч	Ч	Ч	Ч
УНР						
УССР			Ч	Ч	Ч	Ч
Провозглашение независимости в 1991 году						

Ч — ключевые для версии элементы.

Л — Львов, Д — Донецк, К — Киев, О — Одесса, Дн — Днепр, Х — Харьков.

Эти модели не выглядят четко размежеванными, но это скорее особенность исторической памяти, нежели результат некорректности или ошибочности анализа. Для каждой версии модели исторической памяти мы выделили ключевые события / моменты, образующие ядро этой версии, но не исключаящие и вариаций.

Украинская национальная модель памяти. «Реалитетная» версия украинской национальной модели памяти сочетает и советский нарратив (УССР), и украинский национальный (УНР), что очень напоминает позиции деятелей украинской послевоенной эмиграции в США, которые придерживались мнения, что будущее украинское государство возникнет из УССР, а потому считать советский период истории Украины оккупационным нельзя — это важная часть украинской государственной истории. Их главной идеей было то, что будущая Украина станет объединением национального и советского проектов [Грицак, 2004: сс. 114–125]. Это движение в среде диаспоры получило название *реалитетников*, вот почему латентную переменную, которая объединяет УССР и УНР, мы назвали «реалитетной» версией украинской национальной памяти — здесь просматривается сходство с главным тезисом реалитетников о важности и УССР, и УНР. Другими элементами этой модели памяти могут быть Переяславский договор 1654 года (Львов) или восстание Ивана Мазепы и провозглашение независимости Украины в 1991 году (Донецк)¹.

К версии «сопротивления» относятся события, принадлежащие нарративу о героической борьбе украинской нации против захватчиков — восстание Ивана Мазепы, УНР и провозглашение независимости Украины в 1991 году (Киев, Днепр), в качестве вариации с ними может сочетаться и казачество (Одесса, Харьков).

«Постсоветская» версия украинской национальной памяти содержит Киевскую Русь и казачество. И этим она идентична с «украинской» версией советской модели памяти. Различение между ними проводилось на основании двух критериев:

- другие вариативные события, которые относятся к этой латентной переменной. В случае Львова благодаря присутствию таких элементов, как восстание Ивана Мазепы, УНР и провозглашение независимости Украины в 1991 году, латентная переменная была классифицирована как «постсоветская» версия украинской национальной модели памяти. В случае Донецка из-за присутствия в факторе Переяславского договора 1654 года латентная переменная была интерпретирована как «украинская» версия советской модели памяти;
- результаты корреляционного анализа (см. Приложение). В случае Киева и Днепра в фактор попали только Киевская Русь и казачество, но корреляции этих факторных переменных с другими индикаторами настолько разнились между собой и вместе с тем были схожи с корреляциями в случае «постсоветской» версии украинской национальной модели (Днепр) и «украинской» версии советской модели памяти (Киев), что их объединили с этими переменными.

1 Впрочем в Днепре в латентную переменную входят УССР, УНР, Переяславский договор 1654 года и провозглашение независимости Украины в 1991 году, но эту переменную мы классифицировали как версию воссоединения советской модели памяти. Причиной этого были результаты корреляционного анализа — см. Приложение. Подробнее о проверке валидности интерпретации латентных переменных на основе корреляционного анализа — см. ниже.

В случае «украинской» версии советской модели исторической памяти нарратив остается советским, но с большим акцентом на украинской идентичности, то есть это версия, предполагающая лояльность к Советскому Союзу, но с четким пониманием украинской идентичности как отдельной от общесоветской¹. «Постсоветскую» версию украинской модели памяти можно описать как «украинскую» версию советской модели памяти, но без лояльности к Советскому Союзу. То есть в этом случае сохраняется структура памяти, унаследованная от СССР, но с акцентами, смещенными в сторону украинской идентичности. Например, во Львове «постсоветская» версия украинской национальной модели памяти содержит как элементы, антагонистические советскому историческому нарративу (восстание Ивана Мазепы, Украинская народная республика 1917–1921 годов, Провозглашение независимости Украины в 1991 году), так и элементы, используемые в советском нарративе (казачество, Киевская Русь). Хотя в последнем случае нужно помнить, что это также элементы национального нарратива, сформировавшегося в начале XX века. Но здесь более важным становится вопрос преемственности памяти. Поскольку Киевская Русь и казачество также были включены и в советский нарратив, то мы можем предположить, что в этом случае имело место скорее сосуществование двух нарративов в период 1944–1991 годов. Ведь трудно предположить, что национальный нарратив мог беспрепятственно транслироваться в советское время. Скорее национальный нарратив существовал под прикрытием советского, то есть индивиды знали советскую интерпретацию событий, но также помнили и о национальной. Однако мы можем предположить, что спустя какое-то время эти два нарративы амальгировали в единое целое.

Советская модель памяти. Версия «братских народов» похожа на «украинскую» версию, но в ней больший акцент сделан на единстве украинского и русского народов, хотя они и продолжают восприниматься как отдельные народы. К этой модели относятся такие события, как Киевская Русь, Переяславский договор 1654 года и УССР. Важным элементом данной версии является Киевская Русь как «колыбель трех народов». Он предполагает равноправие русского и украинского народов. Версия «воссоединения» похожа на версию «братских народов», но здесь украинский народ воспринимается как часть более широкой общности — вместе с русским народом, но не как равноправный участник, а скорее как подчиненный.

Для проверки валидности интерпретации полученных факторов был проведен корреляционный анализ полученных факторных переменных с рядом утверждений:

- Люди не всегда соглашались относительно исторических и культурных традиций Украины и России. Некоторые из них говорят, что украинцы и русские имеют абсолютно разные историю, культуру и язык. Они будут занимать позицию 1 на этой шкале. Другие доказывают, что украинцы и русские имеют одинаковую в своей основе историю, культуру и язык, и они будут занимать позицию 7 на этой шкале. Какая позиция отвечает Вашей точке зрения, или Вы не задумывались над этим? (**hist**)²

1 Подобная ситуация наблюдалась и с черносотенным движением 1905–1917 годов [Федевич, Федевич, 2017].

2 В скобках — условные обозначения переменных, использованные в таблице 12 и в Приложении.

- Люди также не соглашаются по поводу тех связей, которые Украина должна иметь с Россией. Некоторые доказывают, что Украина и Россия должны быть совершенно отдельными самостоятельными государствами. Они будут занимать позицию 1 на этой шкале. Другие думают, что Украина и Россия должны быть одной страной, и они будут занимать позицию 7. Какая позиция отвечает Вашей точке зрения, или Вы не задумывались над этим? (**ties**)
- Я сейчас начну зачитывать Вам определенные утверждения. Пожалуйста, для каждого утверждения скажите, Вы с ним полностью согласны (1); скорее согласны, чем не согласны (2); скорее не согласны, чем согласны (3); абсолютно не согласны (4)?
 - Россия всегда эксплуатировала нас (**exploit**);
 - Сталина обвиняют в том, чего он не делал (**stalin**);
 - Украина только для украинцев (**exclus**);
 - Украина никогда не сможет настолько развить свою культуру, чтобы быть равносильной высокому статусу русской культуры (**culture**);
 - Русские и украинцы являются двумя братскими народами, которые должны счастливо жить в одной стране (**fratern**);
 - Украинцы как этническая группа более демократичны, чем русские (**democr**).

Результаты корреляционного анализа позволили типологизировать латентные переменные¹. Обобщенный результат представлен в таблице 12.

Таблица 12

Результаты корреляционного анализа

Версии		hist	ties	exploit	stalin	exclus	culture	fratern	democr
Укр. память: «сопротивления»	r_s	0,203	0,227	0,307	-0,193	0,189	-0,117	-0,237	0,262
	p	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
	N	1193	11196	1200	1076	1222	1197	1193	1166
Укр. память: «реалитетная»	r_s	0,111	0,090	0,097	-0,136	0,001	-0,181	-0,055	0,258
	p	0,003	0,017	0,009	0,000	0,971	0,000	0,141	0,000
	N	712	713	719	683	723	721	729	713
Укр. память: «постсоветская»	r_s	0,128	0,191	0,153	-0,186	-0,009	-0,177	-0,173	0,171
	p	0,001	0,000	0,000	0,000	0,817	0,000	0,000	0,000
	N	674	683	689	668	688	688	687	682
Сов. память: «украинская»	r_s	-0,019	-0,022	0,005	-0,115	-0,125	-0,079	0,224	0,065
	p	0,623	0,570	0,901	0,004	0,001	0,042	0,000	0,097
	N	661	659	661	617	672	664	668	652
Сов. память: «братских народов»	r_s	-0,158	-0,233	-0,215	0,182	-0,092	0,137	0,187	-0,227
	p	0,000	0,000	0,000	0,000	0,027	0,001	0,000	0,000
	N	570	567	569	474	585	566	567	545
Сов. память: «воссоединения»	r_s	-0,185	-0,179	-0,290	0,090	-0,105	0,118	0,208	-0,184
	p	0,000	0,000	0,000	0,027	0,008	0,003	0,000	0,000
	N	623	629	631	602	637	631	626	621

Результаты корреляционного анализа дают возможность увидеть, что мы имеем дело с двумя моделями памяти, сильно отличающиеся друг от друга, —

1 Результат по отдельным городам см. в Приложении.

советской и украинской национальной. Хотя «украинская» версия советской модели оказывается в промежуточном положении — между двумя нарративами: частично она похожа на советскую, частично — на украинскую национальную. Но целью анализа не было найти отличия между версиями нарративов, а только проверить валидность интерпретаций тех или иных версий памяти (например, «украинская» версия советской модели очень схожа с «постсоветской» версией украинской национальной памяти и т. п.).

Важным результатом эксплораторного факторного анализа стало то, что зависимости между регионами и версиями / моделями памяти не наблюдается. Только в двух городах структура исторической памяти населения оказалась идентичной — в Харькове и Одессе (версии «сопротивления» и «братских народов»). В других городах комбинации оказались абсолютно разными (см. табл. 13).

Таблица 13

Региональные особенности распространенности моделей исторической памяти

Город	Украинская национальная память			Советская память		
	«Сопротивления»	«Реалитетная»	«Постсоветская»	«Украинская»	«Братских народов»	«Воссоединения»
Львов						
Донецк						
Киев						
Одесса						
Днепр						
Харьков						

Еще одним важным результатом анализа является вывод о том, что советская и украинская национальная модели памяти не всегда конкурируют друг с другом. В Донецке «реалитетная» версия (украинская национальная модель) и «украинская» версия (советская модель памяти) позитивно коррелируют. Аналогично в Одессе и Харькове версия «сопротивления» (украинская национальная модель) и версия «братских народов» (советская модель) позитивно коррелируют между собой. В Днепре версия «воссоединения» (советская модель) позитивно коррелирует с «постсоветской» версией и версией «сопротивления» (украинская национальная модель). То есть в сознании респондентов две модели памяти сосуществуют, даже в случае версии «сопротивления» украинской национальной модели и «воссоединения» советской модели, хотя они, казалось бы, должны быть наиболее антагонистичными. Единственный город, где советская и украинская национальная модели памяти антагонистичны, — это Киев. Версия «сопротивления» (украинская национальная модель) позитивно коррелирует с «постсоветской» версией (украинская национальная модель), но негативно — с версией «воссоединения» (советская модель). И «постсоветская» версия (украинская национальная модель) не коррелирует с версией «воссоединения» (советская модель).

Результаты анализа исторической памяти в шести городах Украины подтвердили выводы, полученные из анализа данных общенационального опроса:

- не существует четкого регионального деления между распространенностью советской и украинской национальной моделей памяти;
- советская и украинская национальная модели памяти не всегда противостоят друг другу.

Также удалось получить еще один важный результат — советская и украинская национальные модели памяти не являются однородными: внутри каждой из них существуют различные версии.

Множественность исторической памяти в украинском обществе не означает множественности гражданских лояльностей. Результаты опроса КМИСа в сентябре 2014 года показывают, что носители разных моделей памяти не отличаются в своей гражданской идентификации. Респондентам предложили ответить на ряд вопросов:

«Как изменилось в течение последнего года Ваше отношение к:

- государственному гимну Украины;
- украинскому языку;
- государственному флагу Украины;
- украинским националистам;
- независимости Украины».

Шкала от «1 — намного улучшилось» до «5 — намного ухудшилось».

Индекс, рассчитанный методом среднего арифметического¹, дает возможность получить обобщенную информацию об изменениях в отношении украинских граждан к украинской политической идентичности.

Таблица 14

Изменение отношения к маркерам украинской гражданской идентичности в течение последнего года (сентябрь 2014 года)

Модели памяти	M	s	N
Украинская национальная	2,11	0,81	655
Неопределенная	2,75	0,84	64
Амбивалентная	2,77	0,75	410
Советско-имперская	3,34	0,79	336

Результаты, приведенные в таблице 14, показывают, что у респондентов с украинской национальной моделью памяти отношение к маркерам украинской идентичности улучшилось, у респондентов с неопределенной и амбивалентной моделями памяти отношение в среднем осталось без изменений, только у носителей советско-имперской модели памяти отношение к маркерам украинской гражданской идентичности незначительно ухудшилось. То есть только одна из четырех моделей памяти демонстрирует низкую лояльность к украинскому государству. Вместе с тем носители других моделей видят себя частью украинской гражданской идентичности. Ситуация усложняется тем, что даже в рамках отдельных моделей памяти мы можем обнаружить их разные версии, которые также разнятся между собой пониманием прошлого. Поэтому историческая политика должна учитывать множественность интерпретаций прошлого Украины, а не игнорировать их.

Подводя итоги полученных результатов, приведем несколько ключевых тезисов. Во-первых, историческая память в украинском обществе не является дихотомичной, где противостоят друг другу советский и украинский национальный нарративы. В действительности мы имеем дело с континуумом, где приведенные выше модели памяти являются полюсами, между которыми рас-

1 α Кронбаха равна 0,933 для этих пяти переменных.

полагаются промежуточные варианты. Итак, было выявлено шесть моделей исторической памяти, три из которых тяготеют к украинскому национальному нарративу (версии «сопротивления», «реалитетная» и «постсоветская»), а три — к советскому нарративу («украинская» версия советского и версии «братских народов» и «воссоединения»). Кроме того, четкого регионального деления в распространенности тех или иных моделей памяти в данное время не обнаружено. Поэтому говорить о возможности регионального раскола именно в вопросах отношения и восприятия прошлого мы не можем. Во-вторых, в украинском обществе распространены смешанные типы исторической памяти, то есть ситуации, когда несколько моделей сочетаются в сознании одного человека. Причем их связь с украинской идентичностью не является однозначной. В частности, было выявлено, что наиболее слабой является связь для тех опрошенных, которые представляют советско-имперский тип памяти. Тогда как у представителей других типов (амбивалентного, украинского национального и неопределенного) эта связь довольно сильная.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Результаты корреляционного анализа данных

Таблица А1

Украинская память: версия «сопротивления»

Город		hist	ties	exploit	stalin	exclus	culture	fratern	democr
Одесса	r_s	0,109	0,099	0,248	-0,096	0,162	-0,182	-0,086	0,144
	p	0,072	0,102	0,000	0,130	0,006	0,002	0,146	0,018
	N	275	274	279	248	290	282	290	273
Харьков	r_s	0,244	0,369	0,513	-0,335	0,325	-0,202	-0,447	0,420
	p	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,001	0,000	0,000
	N	295	293	290	226	295	284	277	272
Днепр	r_s	0,181	0,138	0,225	-0,138	0,210	-0,073	-0,233	0,248
	p	0,001	0,013	0,000	0,015	0,000	0,193	0,000	0,000
	N	316	320	325	313	323	321	319	325
Киев	r_s	0,288	0,266	0,258	-0,229	0,081	-0,043	-0,142	0,220
	p	0,000	0,000	0,000	0,000	0,152	0,450	0,013	0,000
	N	307	309	306	289	314	310	307	296

Таблица А2

Украинская память: «реалитетная» версия

Город		hist	ties	exploit	stalin	exclus	culture	fratern	democr
Донецк	r_s	0,172	0,162	0,185	-0,165	0,025	-0,318	-0,116	0,445
	p	0,001	0,002	0,001	0,003	0,634	0,000	0,027	0,000
	N	354	350	355	328	358	354	361	356
Львов	r_s	0,083	0,036	-0,011	-0,085	-0,065	-0,056	-0,010	0,122
	p	0,116	0,498	0,831	0,111	0,215	0,282	0,855	0,021
	N	358	363	364	355	365	367	368	357

Таблица А3

Украинская память: «постсоветская» версия

Город		hist	ties	exploit	stalin	exclus	culture	fratern	democr
Львов	r_s	0,183	0,129	0,120	-0,189	-0,005	-0,170	-0,098	0,203
	p	0,001	0,014	0,022	0,000	0,930	0,001	0,062	0,000
	N	358	363	364	355	365	367	368	357
Днепр	r_s	0,065	0,249	0,160	-0,169	-0,021	-0,146	-0,250	0,119
	p	0,251	0,000	0,004	0,003	0,706	0,009	0,000	0,032
	N	316	320	325	313	323	321	319	325

Таблица А4

Советская память: «украинская» версия

Город		hist	ties	exploit	stalin	exclus	culture	fratern	democr
Донецк	r_s	-0,070	-0,180	-0,045	-0,166	-0,143	-0,050	0,331	0,232
	p	0,191	0,001	0,395	0,003	0,007	0,349	0,000	0,000
	N	354	350	355	328	358	354	361	356
Киев	r_s	-0,061	-0,002	-0,008	-0,025	-0,138	-0,058	0,171	-0,145
	p	0,288	0,979	0,894	0,678	0,014	0,305	0,003	0,013
	N	307	309	306	289	314	314	307	296

Таблица А5

Советская память: версия «братских народов»

Город		hist	ties	exploit	stalin	exclus	culture	fratern	democr
Харьков	r_s	-0,288	-0,288	-0,256	0,304	-0,171	0,159	0,217	-0,240
	p	0,000	0,000	0,000	0,000	0,003	0,008	0,000	0,000
	N	295	293	290	226	295	284	277	272
Одесса	r_s	-0,054	-0,169	-0,178	0,080	0,000	0,073	0,151	-0,215
	p	0,376	0,005	0,003	0,210	0,996	0,221	0,010	0,000
	N	274	274	279	248	290	282	290	273

Таблица А6

Советская память: версия «воссоединения»

Город		hist	ties	exploit	stalin	exclus	culture	fratern	democr
Днепр	r_s	-0,167	-0,124	-0,246	0,233	-0,071	0,081	0,172	-0,115
	p	0,003	0,027	0,000	0,000	0,208	0,147	0,002	0,039
	N	316	320	325	313	323	321	319	325
Киев	r_s	-0,267	-0,314	-0,358	-0,011	-0,138	0,205	0,288	-0,275
	p	0,000	0,000	0,000	0,851	0,014	0,000	0,000	0,000
	N	307	309	306	289	314	314	307	296

Источники

Андерсон, Б. (2001). Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму. Київ: Критика.

Ассман, А. (2014). Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение.

Ассман, А. (2016). *Новое недовольство мемориальной культурой*. Москва: Новое литературное обозрение.

Ассман, А. (2017). Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. Москва: Новое литературное обозрение.

- Ассман, А. (2012). Простори спогаду. Форми та трансформації культурної пам'яті. Київ: Ніка-Центр.
- Брубейкер, Р. (2012). 1848 в 1998: Коммеморативная политика в Венгрии, Румынии и Словакии. В: Р. Брубейкер, *Этничность без групп* (с. 290–366). Москва: Высшая школа экономики.
- Вебер, М. (1998). «Об'єктивність» соціально-наукового пізнання. В: М. Вебер, *Соціологія. Загальноісторичні нариси. Політика* (с. 192–263). Київ: Основи.
- Вишняк, О.І. (2012). Соціологічний аналіз ставлення громадян України до історичних постатей. В: *Національна та історична пам'ять* (вип. 2, с. 168–176). Київ: Пріоритети.
- Вишняк, О.І. (2013). Історичні події в оцінках масової свідомості громадян України (соціологічний аналіз). *Національна та історична пам'ять* (вип. 6, с. 32–40). Київ: Пріоритети.
- Вишняк, О.І. (2015). Моделі історичної пам'яті: регіональні особливості. В: В.М. Ворона (ред.), М.О. Шульга (ред.), *Українське суспільство: моніторинг соціальних змін* (вип. 2(16), с. 129–139). Київ: Інститут соціології НАН України.
- Габович, М. (ред.) (2005). *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Гайдай, О. (2018). Кам'яний гість. Ленін у Центральній Україні. Київ: К.І.С.
- Гайдай, О. (упоряд.), Склокіна І. (упоряд.) (2018). Політика і пам'ять. Дніпро – Запоріжжя – Одеса – Харків. Від 1990-х до сьогодні. Львів: ФОП Шумилович.
- Гнатюк, О. (2005). Прощання з імперією. Українські дискусії про ідентичність. Київ: Критика.
- Гобсбаум, Е., Рейнджер Т. (ред.) (2010). *Винайдення традиції*. Київ: Ніка-Центр.
- Грицак, Я. (2004). Страсті за націоналізмом. Історичні есеї. Київ: Критика.
- Грицак, Я. (2011). Страсті за націоналізмом. Старі історії на новий лад. Київ: Критика.
- Гриценко, О. (2014). *Пам'ять місцевого виробництва*. Київ: К.І.С.
- Гриценко, О. (2017). Президенти і пам'ять. Політика пам'яті президентів України (1994–2014). Київ: К.І.С.
- Гудков, Л. (2004). Победа в войне: к социологии одного национального символа. В: Л. Гудков, *Негативная идентичность. Статьи 1997–2002* (с. 20–58). Москва: Новое литературное обозрение.
- Гелнер, Е. (2003). Нації та націоналізм. Націоналізм. Київ: Таксон.
- Зашкільняк, Л. (ред.) (2009). *Історичні міфи і стереотипи та міжнаціональні відносини в сучасній Україні*. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України.
- Еліас, Н. (2003). Процес цивілізації. Соціогенетичні і психогенетичні дослідження. Київ: Видавничий дім «Альтернативи».
- Єсельчик, С. (2008). Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. Київ: Критика.
- Єсельчик, С. (2020). Український досвід Другої світової війни. Київ: Медуза.
- Іванов, О. (ред.) (2010). Історична освіта: європейський та український досвід. Викладання національної історії в школах Центральної і Східної Європи. Київ: К.І.С.
- Касьянов, Г. (2010). *Danse macabre*. Голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті – початок 2000-х). Київ: Наш час.
- Касьянов, Г. (2014). Історична політика 1990-х — поч. XXI ст.: Україна та пострадянський простір. В: *Україна модерна*, 21, 135–159.
- Касьянов, Г. (2018). *Past continuous: історична політика 1980-х — 2000-х. Україна та сусіди*. Київ: Laurus, Антропос-Логос-Фільм.
- Київський архів (s.a.). *Національний банк соціологічних даних «Київський архів»*. Одержано з: <http://ukraine.survey-archive.com/about>
- Кисла, Ю. (2009). Конструювання української історичної пам'яті в УРСР впродовж сталінського періоду (1930-ті — 1950-ті рр.). В: *Міжкультурний діалог. Том I. Ідентичність* (с. 221–244). Київ: Дух і літера.
- КМІС (s.a.). *Думки і погляди населення України: вересень 2014* [База даних]. Одержано з: <http://ukraine.survey-archive.com/data#user-research@showResearch=112303>
- Когут, З. (2004). Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ: Критика.

- Коннертон, П. (2004). *Як суспільства пам'ятають*. Київ: Ніка-Центр.
- Копосов, Н. (2011). *Память строгого режима: История и политика в России*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Кравченко, В. (2006). Украина, империя, Россия... (обзор современной украинской историографии). В: А. Миллер (ред.), *Западные окраины Российской империи* (с. 465–502). Москва: Новое литературное обозрение.
- Кравченко, В. (2011a). Поневолення історією: Радянська Україна в сучасній історіографії. В: В. Кравченко, *Україна, Імперія, Росія. Вибрані статті з модерної історії та історіографії* (с. 455–528). Київ: Критика.
- Кравченко, В. (2011b). Україна, Імперія, Росія. Огляд сучасної історіографії. В: В. Кравченко, *Україна, Імперія, Росія. Вибрані статті з модерної історії та історіографії* (с. 391–454). Київ: Критика.
- Миллер, А. (ред.), Липман М. (ред.) (2012). *Историческая политика в XXI веке*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Мінк, Ж. (ред.), Неймайер Л. (ред.) (2009). *Європа та її болісні минувшини*. Київ: Ніка-Центр.
- Портнов, А. (2013). Історії для домашнього вжитку. Есеї про польсько-російсько-український трикутник пам'яті. Київ: Критика.
- Рейтинг (2016). *Ставлення населення Кіровограда до перейменування міста*. Одержано з: http://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/press-conference_kirovohrad_apr2016.pdf
- Сінченко, М. (2015). *Козацьке місто Єлисавет, або До перейменування Кіровограда*. Одержано з: <https://day.kyiv.ua/uk/article/podrobyci/kozacke-misto-yelysavet>
- Стрик, Т. (2015). Невловні категорії. Нариси про гуманітаристику, історію і політику в сучасних Україні, Польщі та Росії. Київ: Ніка-Центр.
- Турченко, Ф. (2016). Україна — повернення історії. Генеза сучасного підручника. Київ: Генеза.
- УІНП (s.a.). *За рік в Україні знесли півтисячі пам'ятників Леніну*. Одержано з: <http://www.memory.gov.ua/news/za-rik-v-ukraini-znesli-pivtisyachi-pam-yatnikiv-leninu>
- Федевич, К.К., Федевич, К.І. (2017). За Віру, Царя і Кобзаря. Малоросійські монархисти і український національний рух (1905–1917 роки). Київ: Критика.
- Хальбвакс, М. (2007). *Соціальні рамки пам'яті*. Моква: Новое издательство.
- Ханенко-Фрізен, Н. (2011). Інший світ або етнічність у дії. Канадська українськість кінця двадцятого століття. Київ: Смолоскип.
- Шацька, Б. (2011). *Минуле – пам'ять – мит*. Чернівці: Книги-XXI.
- Шенк, Ф.Б. (2007). Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, герой (1263–2000). Москва: Новое литературное обозрение.
- Юсова, Н. (2006). «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Київ: Стило.
- Banaszak, H., Rowicki, L. (2002). *Pamięć – Wiedza – Wyobraźnia*. Warszawa: Oficyna Naukowa.
- Elias, N. (1991). *The Society of Individuals*. New York–London: Continuum.
- Górny, M. (2001). *MiędzyMarksem a Pałacym*. Historiografia wkomunistycznejCzechosłowacji. Warszawa: Wydawnictwo Trio.
- Górny, M. (2007). *Przede wszystkim ma być naród*. Marksistowskie historiografie w Europie Środkowo-Wschodniej. Warszawa: Wydawnictwo Trio.
- Kłosowska, A. (2005). *Kultury narodowe u korzeni*. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN.
- Kowerko-Urbańczyk, M. (2016). *Wilno – Vilnius. Polskie i litewskie reprezentacje miasta po roku 1990*. Poznań: Wydawnictwo Nauka i Innowacje.
- Krzeminski, I. (2010). *Solidarność – doświadczenie i pamięć*. Gdańsk: Europejskie Centrum Solidarności
- Kudela-Świątek, W. (2013). Odpamiętane. O historii mówionej na przykładzie narracji kazachstańskich Polaków o represjach na tle narodowościowym i religijnym. Kraków: Universitas.
- Malczewska-Pawelec, D., Pawelec, T. (2011). Rewolucja w pamięci historycznej. Porównawcze studia nad praktykami manipulacji zbiorową pamięcią Polaków w czasach stalinowskich. Kraków: Universitas, Uniwersytet Śląski w Katowicach.
- Sereda, V. (2007). Regional Historical Identities and Memory. *Україна модерна*, 12 (2), 160–209.

Stryjek, T. (2007). *Jakiej przeszłości potrzebuje przyszłość? Interpretacje dziejów narodowych w historiografii i debacie publicznej na Ukrainie. 1991–2004*. Warszawa: Instytut studiów politycznych PAN, Oficyna wydawnicza Rytm.

Tismaneanu, V. (2000). *Wizje zbawienia: demokracja, nacjonalizm i mit w postkomunistycznej Europie*. Warszawa: Wydawnictwo MUZA SA.

Traba, R., Thünemann, H. (Eds.) (2015). *Myslenie historyczne. Część II: Świadomość i kultura historyczna*. Poznań: Wydawnictwo Nauka i Innowacje.

Wawrzyniak, J. (2009). *ZBOWiD i pamięć drugiej wojny światowej. 1949–1969*. Warszawa: Wydawnictwo Trio.

Wójcicka, Z. (2009). *Przerwana żałoba. Polskie spory wokół pamięci nazistowskich obozów koncentracyjnych i głady. 1944–1950*. Warszawa: Wydawnictwo Trio.

Получено 20.05.2021

References

Anderson, B. (2001). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. [In Ukrainian]. Kyiv: Krytyka. [= Андерсон 2001]

Assmann, A. (2014). *The Long Shadow of the Past. Culture of Memory and Politics of History*. [In Russian]. Moscow: Novoie Lite'raturnoie Obozrenie. [=Ассман 2014]

Assmann, A. (2016). *New Dissatisfaction with Culture of Memory*. [In Russian]. Moscow: Novoie Literaturnoie Obozrenie. [=Ассман 2016]

Assmann, A. (2017). *The time is out of joint? The Rise and Fall of Modern Temporal Mode* [In Russian]. Moscow: Novoie Literaturnoie Obozrenie. [=Ассман 2017]

Assmann, A. (2012). *Memory Spaces. Forms and Transformations of Cultural Memory* [In Ukrainian]. Kyiv: Nika-Tsentr. [=Ассман 2012]

Banaszak, H., Rowicki, L. (2002). *Pamięć – Wiedza – Wyobraźnia*. Warszawa: Oficyna Naukowa.

Brubaker, R. (2012). 1848 in 1998: The Politics of Commemoration in Hungary, Romania, and Slovakia. [In Russian]. In: R. Brubaker, *Ethnicity without Groups* (pp. 290–366). Moscow: Higher School of Economics. [=Брубейкер 2012]

Connerton, P. (2004). *How Societies Remember*. [In Ukrainian]. Kyiv: Nika-Tsentr. [= Коннертон 2004]

Fedevych, K.K., Fedevych K.I. (2017). *For Faith, Tsar and Kobzar. Little Russian monarchists and Ukrainian national movement (1905–1917)*. [In Ukrainian]. Kyiv: Krytyka. [= Федевич, Федевич 2017]

Gabovich, M. (Ed.) (2005). *Memory about the War 60 years Later: Russia, Germany, Europe*. [In Russian]. Moscow: Novoie Literaturnoie Obozrenie. [=Габович 2005]

Górny, M. (2001). *Między Marksem a Palackým. Historiografia w komunistycznej Czechosłowacji*. Warszawa: Wydawnictwo Trio.

Górny, M. (2007). *Przede wszystkim ma być naród. Marksistowskie historiografie w Europie Środkowo-Wschodniej*. Warszawa: Wydawnictwo Trio.

Haidai, O. (2018). *The Stone Guest. Lenin in Central Ukraine*. [In Ukrainian]. Kyiv: K.I.S. [= Гайдай 2018]

Haidai, O., Sklokina, I. (Eds.). (2018). *Politics and Memory. Dnipro – Zaporizhzhia – Odesa – Kharkiv. Since 1990s to the Present*. [In Ukrainian]. Lviv: FOP Shumylovych. [= Гайдай, Склокіна 2018]

Halbwachs, M. (2007). *Social frames of memory*. [In Russian]. Moscow: Novoie izdatelstvo. [= Хальбвакс 2007]

Hnatiuk, O. (2005). *Farewell to the Empire. Ukrainian Debates about Identity*. [In Ukrainian]. Kyiv: Krytyka. [= Гнатюк 2005]

Hobsbawm, E., Ranger, T. (Eds.) (2010). *The Invention of Tradition*. [In Ukrainian]. Kyiv: Nika-Tsentr. [= Гобсбаум, Рейнджер 2010]

Hrytsak, Ya. (2004). *Passions for Nationalism. Historical Essays*. [In Ukrainian]. Kyiv: Krytyka. [= Грицак 2004]

- Hrytsak, Ya. (2011). *Passions for Nationalism. Old Stories in a New Way*. [In Ukrainian]. Kyiv: Krytyka. [= Грицак 2011]
- Hrytsenko, O. (2014). *Memory of Local Production*. [In Ukrainian]. Kyiv: K.I.S. [= Гриценко 2014]
- Hrytsenko, O. (2017). Presidents and Memory. Memory Politics of the Presidents of Ukraine (1994–2014). [In Ukrainian]. Київ: К.І.С. [= Гриценко 2017]
- Gellner, E. (2003). *Nations and Nationalism. Nationalism. Націоналізм*. [In Ukrainian]. Kyiv: Takson. [= Гелнер 2003]
- Gudkov, L. (2004). Victory in the War: Towards Sociology of One National Symbol. [In Russian]. In: L. Gudkov, *Negative Identity. Articles 1997–2002* (pp. 20–58). Moscow: Novoie Literaturnoie Obozrenie. [= Гудков 2004]
- Elias, N. (1991). *The Society of Individuals*. New York; London: Continuum.
- Elias, N. (2003). *The Civilizing Process. Sociogenetic and Psychogenetic Investigations*. [In Ukrainian]. Kyiv: Publishing House «Alternatyvu». [= Еліас 2003]
- Ivanov, O. (Ed.) (2010). Historical Education: European and Ukrainian Experiences. Teaching National History at Schools in Central and Eastern Europe. [In Ukrainian]. Kyiv: K.I.S. [= Иванов 2010]
- Kasianov, G. (2010). Danse macabre. Famine 1932–1933 in Politics, mass consciousness and historiography (1980s – early 2000s). [In Ukrainian]. Kyiv: Nash chas. [= Касьянов 2010]
- Kasianov, G. (2014). Historical Politics in 1990s – early 2000s: Ukraine and Post-Soviet Space. [In Ukrainian]. In: *Ukraina moderna*, 21, 135–159. [= Касьянов 2014]
- Kasianov, G. (2018). *Past continuous: historical politics 1980s — 2000s. Ukraine and its neighbors*. [In Ukrainian]. Kyiv: Laurus, Anthropos-Logos-Film. [= Касьянов 2018]
- Khanenko-Friesen, N. (2011). Other world or ethnicity in action. Canadian Ukrainianness at the end of 20th century. [In Ukrainian]. Kyiv: Smoloskyp.
- KIIS (s.a.). Opinions and views of Ukrainian people: september 2014 [Database]. [In Ukrainian]. Retrived from: <http://ukraine.survey-archive.com/data#user-research@showResearch=112303> [= KMIC s.a.]
- Kioskowska, A. (2005). *Kultura narodowe u korzeni*. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN.
- Kohut, Z. (2004). *Roots of Identity: Studies on Early Modern and Modern Ukraine*. [In Ukrainian]. Kyiv: Krytyka. [= Коруґ 2004]
- Koposov, N. (2011). *Strict-Security Memory: History and Politics in Russia*. [In Russian]. Moscow: Novoie Literaturnoie Obozrenie. [= Копосов 2011]
- Kowerko-Urbańczyk, M. (2016). *Wilno – Vilnius. Polskie i litewskie reprezentacje miasta po roku 1990*. Poznań: Wydawnictwo Nauka i Innowacje.
- Kravchenko, V. (2006). Ukraine, empire, Russia... (overview of contemporary Ukrainian historiography). [In Russian]. In: A. Miller (Ed.), *Western outskirts of the Russian Empire* (pp. 465–502). Moscow: Novoie Literaturnoie Obozrenie. [= Кравченко 2006]
- Kravchenko, V. (2011). Enslavement by History: Soviet Ukraine in Modern Contemporary Historiography. [In Ukrainian]. In: V. Kravchenko, *Ukraine, Empire, Russia. Selected Articles on Modern History and Historiography* (pp. 455–528). Kyiv: Krytyka. [= Кравченко 2011a]
- Kravchenko, V. (2011b). Ukraine, Empire, Russia. Review of contemporary Ukrainian historiography. [In Ukrainian]. In: V. Kravchenko, *Ukraine, Empire, Russia. Selected Articles on Modern History and Historiography* (pp. 391–454). Kyiv: Krytyka. [= Кравченко 2011b]
- Krzeminski, I. (2010). *Solidarność – doświadczenie i pamięć*. Gdańsk: Europejskie Centrum Solidarności
- Kudela-Świątek, W. (2013). Odpamiętane. O historii mówionej na przykładzie narracji kazachstańskich Polaków o represjach na tle narodowościowym i religijnym. Kraków: Universitas.
- Kyiv archive (s.a.). *National bank of sociological data «Kyiv Archive»*. [In Ukrainian]. Retrieved from: <http://ukraine.survey-archive.com/about> [= Київський архів s.a.]
- Kysla, Yu. (2009). Construction of Ukrainian historical memory in UkrSSR during Stalin era (1930s – 1950s). [In Ukrainian]. In: *Cross-Cultural Dialogue. Vol. 1. Identity* (pp. 221–244). Kyiv: Dukh i Litera. [= Кисла 2009]

- Malczewska-Pawelec, D., Pawelec, T. (2011). Rewolucja w pamięci historycznej. Porównawcze studia nad praktykami manipulacji zbiorową pamięcią Polaków w czasach stalinowskich. Kraków: Universitas, Uniwersytet Śląski w Katowicach.
- Miller, A., Lipman M. (Eds.) (2012). *Historical Politics in 21st Century*. [In Russian]. Moscow: Novoie Literaturnoie Obozrenie. [= Миллер, Липман 2012]
- Mink, G., Neumayer, L. (Eds.). (2009). *Europe and Its Painful Past*. [In Ukrainian]. Kyiv: Nika-Tsentr. [=Мінк, Неймайер 2009]
- Portnov, A. (2013). Stories for Home Use. Essays About the Polish-Ukrainian-Russian Triangle of Memory. [In Ukrainian]. Kyiv: Krytyka. [=Портнов 2013]
- Rating (2016). *Attitude of Kirovograd's population to the renaming of the city*. [In Ukrainian]. Retrieved from: http://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/press-conference_kirovohrad_apr2016.pdf [= Рейтинг 2016]
- Sereda, V. (2007). Regional Historical Identities and Memory. *Ukraina moderna*, 12 (2), 160–209.
- Sinchenko, M. (2015). *Cossack city Elysavet, or Concerning the renaming of Kirovograd*. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://day.kyiv.ua/uk/article/podrobyci/kozacke-misto-yelysavet> [= Сінченко 2015]
- Stryjek, T. (2007). Jakiej przeszłości potrzebuje przyszłość? Interpretacje dziejów narodowych w historiografii i debacie publicznej na Ukrainie. 1991–2004. Warszawa: Instytut studiów politycznych PAN, Oficyna wydawnicza Rytm.
- Stryjek, T. (2015). Elusive categories. Essays on the humanities, history and politics in contemporary Ukraine, Poland and Russia. [In Ukrainian]. Kyiv: Nika-Tsentr. [= Стрієк 2015]
- Tismaneanu, V. (2000). Wzjęcie zbawienia: demokracja, nacjonalizm i mit w postkomunistycznej Europie. Warszawa: Wydawnictwo MUZA SA.
- Traba, R., Thünemann, H. (Eds.) (2015). *Myślenie historyczne. Część II: Świadomość i kultura historyczna*. Poznań: Wydawnictwo Nauka i Innowacje.
- Turchenko, F. (2016). *Ukraine – return of history. Genesis of contemporary textbook*. [In Ukrainian]. Kyiv: Heneza. [= Турченко 2016]
- UINM (s.a.). *Half a thousand monuments to Lenin were demolished in Ukraine in one year*. [In Ukrainian]. Retrieved from: <http://www.memory.gov.ua/news/za-rik-v-ukraini-znesli-pivtisyachipam-yatnikiv-leninu> [= УИМП s.a.]
- Schenk, F.B. (2007). *Aleksandr Nevskii in Russian cultural memory: saint, prince, hero (1263–2000)*. [In Russian]. Moscow: Novoie Literaturnoie Obozrenie. [= Шенк 2007]
- Szacka, B. (2011). *The past tense – memory – myth*. [In Ukrainian]. Chernivtsi: Knyhy-21. [= Шацька 2011]
- Vyshniak, O.I. (2012). Sociological analysis of attitude of Ukrainian citizens to historical figures. [In Ukrainian]. In: *National and Historical Memory* (vol. 2, pp. 168–176). Kyiv: Priorityty. [=Вишняк 2012]
- Vyshniak, O.I. (2013). Historical events in opinion of mass consciousness of the citizens of Ukraine (sociological analysis). [In Ukrainian]. In: *National and Historical Memory* (vol. 6, pp. 32–40). Kyiv: Priorityty. [=Вишняк 2013]
- Vyshniak, O.I. (2015). Models of historical memory: regional characteristics. [In Ukrainian]. In: V.M. Vorona, M.O. Shulga (Eds.). *Ukrainian Society: Monitoring of Social Changes* (vol. 2(16), pp. 129–139). Kyiv: Institute of Sociology, NAS of Ukraine. [=Вишняк 2015]
- Wawrzyniak, J. (2009). *ZBOWiD i patyk drugiej wojny niwiatowej. 1949–1969*. Warszawa: Wydawnictwo Trio.
- Weber, M. (1998). «Objectivity» of socio-scientific cognition. [In Ukrainian]. In: M. Weber. *Sociology. Essays in History. Politics* (pp. 192–263). Kyiv: Osnovy. [=Вебер 1998]
- Wójcicka, Z. (2009). Przerwana żałoba. Polskie spory wokół pamięci nazistowskich obozów koncentracyjnych i zagłady. 1944–1950. Warszawa: Wydawnictwo Trio.
- Yekelchuk, S. (2008). Empire of Memory. Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination. [In Ukrainian]. Kyiv: Krytyka. [= Єкельчик 2008]
- Yekelchuk, S. (2020). *Ukrainian Experience of Second World War*. [In Ukrainian]. Kyiv: Medusa. [= Єкельчик 2020]
- Yusova, N. (2006). «Old Russian nationality»: genesis of conception in Soviet historical science (1930s – first half of 1940s). [In Ukrainian]. Kyiv: Stylos. [= Юсова 2006]

Zashkilniak, L. (Ed.). (2009). *Historical Myths and Stereotypes and Interethnic Relations in Contemporary Ukraine*. [In Ukrainian]. Lviv: I. Krypuyakevych Institute of Ukrainian Studies, NAS of Ukraine. [= Зашкільняк 2009]

Received 20.05.2021

ДАНИЛО СУДИН

Множинність моделей історичної пам'яті в українському суспільстві

У стосунку до радянського минулого як у суспільстві, так і в академічному середовищі поширене уявлення про дихотомічний характер української історичної пам'яті. Згідно з ним, в українському суспільстві поширені дві моделі пам'яті — українська національна, якій протистоїть радянська. У статті показано, що такий погляд є спрощеним. Українська національна та радянська моделі пам'яті ставновлять не дихотомію, а континуум. На основі аналізу даних соціологічних опитувань виявлено низку версій в межах кожної з моделей пам'яті. Зокрема, в рамках української національної моделі виявлено такі версії, як: «опору», «реалітетна», «пострадянська». Відмінність між ними полягає у ставленні до радянського минулого. Якщо у версії «опору» радянське минуле повністю відкидається, то у «реалітетній» — сприймається як невіддільна частина українського минулого, а у «пострадянській» відбувається механістичне поєднання радянського та українського національного наративів, з акцентом на українській складовій. У рамках радянської моделі виокремлено такі версії: «українська», «братніх народів» та «возз'єднання». Критерієм для їх розрізнення є ставлення до українського історичного наративу. У випадку «української» версії відбувається поєднання радянського та українського наративів, але з наголосом на радянському компоненті. У випадку версій «братніх народів» та «возз'єднання» йдеться про радянський історичний наратив, але у першому випадку українська ідентичність розглядається як рівноправна щодо російської, а в останньому — як частина наднаціональної ідентичності.

Крім того, виокремлено чотири типи історичної пам'яті — за критерієм поєднання моделей в межах індивідуальних уявлень: два «чисті» — український національний та радянсько-імперський, а також два «змішані» — амбівалентний, де поєднуються дві моделі, а також незначений, де жодна з моделей пам'яті не є важливою для індивіда. Також у статті проаналізовано регіональну поширеність як моделей, так і типів пам'яті.

Ключові слова: колективна пам'ять; історична пам'ять; експлораторний факторний аналіз; історичний наратив; моделі історичної пам'яті; типи історичної пам'яті

ДАНЫЛО СУДЫН

Множественность моделей исторической памяти в украинском обществе

По отношению к советскому прошлому как в обществе, так и в академической среде распространено представление о дихотомическом характере украинской исторической памяти. Согласно ему, в украинском обществе распространены две модели памяти — украинская национальная и противостоящая ей советская. В статье показано, что такой взгляд является упрощенным. Украинская национальная и советская модели памяти являются не дихотомией, а континуумом. На основе анализа данных социологических опросов выявлен ряд версий в пределах каждой из моделей памяти. В частности, в рамках украинской национальной модели выявлены такие версии, как: «сопротивления», «реалитетная», «постсоветская». Отличие между ними состоит в отношении к советскому прошлому. Если в версии «сопротивления» советское прошлое полностью отвергается, то в «реалитетной» — воспринимается как неотъемлемая часть украинского прошлого, а в постсоветской происходит механистическое сочетание советского и украинского национального нарративов, с акцентом на укра-

инской составляющей. В рамках советской модели выделены следующие версии: «украинская», «братских народов» и «воссоединения». Критерием для их различия является отношение к украинскому историческому нарративу. В случае «украинской» версии происходит сочетание советского и украинского нарративов, но с акцентом на советском компоненте. В случае версий «братских народов» и «воссоединения» речь идет о советском историческом нарративе, но в первом случае украинская идентичность рассматривается как равноправная российской, а в последнем — как часть наднациональной идентичности. Кроме того, выделены четыре типа исторической памяти — по критерию сочетания моделей в пределах индивидуальных представлений: два «чистых» — украинский национальный и советско-имперский, а также два «смешанных» — амбивалентный, где сочетаются две модели, и неопределенный, где ни одна из моделей памяти не является важной для индивидов. Также в статье проанализирована региональная распространенность как моделей, так и типов памяти.

Ключевые слова: коллективная память; историческая память; эксплораторный факторный анализ; исторический нарратив; модели исторической памяти; типы исторической памяти

DANYLO SUDYN

Multiplicity of historical memory models in Ukrainian society

Regarding the Soviet past, idea of the dichotomous nature of Ukrainian historical memory is widespread both in society and in academia. According to it, two models of memory are widespread in Ukrainian society — the Ukrainian national memory and the Soviet one as the opposed to it. The article shows that this view is simplified. The Ukrainian national and Soviet models of memory are not a dichotomy but a continuum. Based on the analysis of sociological surveys, a number of versions have been identified within each of the memory models. In particular, within the Ukrainian national model there are such versions as: «resistance», «realistic», «post-Soviet». The difference between them lies in the attitude towards the Soviet past. In the «resistance» version the Soviet past is completely rejected, in the «realistic» version it is perceived as an integral part of the Ukrainian past, and in the «post-Soviet» version there is a mechanistic combination of Soviet and Ukrainian national narratives, with an emphasis on the Ukrainian component. Within the Soviet model there are such versions as: «Ukrainian», «fraternal peoples», and «reunification». The criterion for distinguishing them is the attitude to the Ukrainian historical narrative. In the case of the «Ukrainian» version, there is a combination of Soviet and Ukrainian narratives, but with an emphasis on the Soviet component. In the «fraternal peoples» version the Ukrainian identity is seen as equal to the Russian one and as the «reunification». And in the «reunification» version Ukrainian identity is seen as a part of supranational identity.

Also four types of historical memory are distinguished by the criterion of combining models within individual consciousness. Two of them are «pure» — Ukrainian national and Soviet-imperial, and two are «mixed» — ambivalent, where two models are combined, and indefinite, where none of the memory models is important to individuals. The article also analyzes the regional prevalence of both memory models and types.

Keywords: collective memory; historical memory; exploratory factor analysis; historical narrative; models of historical memory; types of historical memory